СОВРЕМЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КНР: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

ТРОЩИНСКИЙ Павел Владимирович, старший научный сотрудник отдела восточноазиатских правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, 34

E-mail: troshc@mail.ru

В статье проводится исследование правовой системы и законодательства современного Китайского государства через анализ действующих и планируемых к принятию нормативных правовых актов в государственно-правовой, уголовной, гражданской, административной и социальной сферах. Устанавливается взаимосвязь между существующими угрозами безопасности китайской государственности и правотворческой деятельностью законодателя, направленной на противодействие им. Цель работы — выявление особенностей правового развития КНР на современном этапе для возможного использования опыта китайского законодателя в российской юридической науке и практической деятельности. Для этого реализуются задачи по анализу и определению специфики китайских актов правотворчества в сфере противодействия коррупции, терроризму, шпионажу, решения демографических проблем и борьбы с насилием в семье, проведения административной реформы, стимулирования притока иностранных инвестиций. По результатам проведенного исследования сделан вывод о важности происходящих в правовой системе КНР и ее законодательстве процессов, направленных на устранение существующих вызовов и угроз китайскому обществу. Отмечен ряд уникальных законов, планируемых к принятию в ближайшие годы, и основные их положения, представляющие теоретический и практический интерес для отечественной науки. Подчеркивается важность изучения правотворческого опыта Китая в рамках сравнительного правоведения.

Ключевые слова: Китай, сравнительное правоведение, правовая система, законодательство, смертная казнь, коррупция, терроризм, шпионаж, административная реформа, инвестиции.

THE MODERN LEGISLATION OF CHINA: PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

P. V. TROSHCHINSKIY, senior research fellow of the department of East-Asian legal researches of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, candidate of legal sciences

34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218

E-mail: troshc@mail.ru

The article is devoted to the investigation of the legal system and legislation of the modern Chinese state through the analysis of the existing legal enactments and those planned for adoption in state-legal, criminal, civil, administrative and social spheres. The author establishes the relationship between the existing security threats to the Chinese state and the legislator's law-making activity, aimed at countering them. The purpose of this paper is to determine the characteristics of China's legal development at the present stage for using this experience of the Chinese legislator in Russian legal science and practice. For this purpose, the author implements different tasks of analyzing and determining the specifics of Chinese law-making acts in the sphere of fight against corruption, terrorism, espionage, solution of demographic problems and combating family violence, administrative reforms, encouragement of foreign investment. Based on the results of the investigation, the author concludes about the importance of the process that is taking place in the legal system of China and its legislation aimed at eliminating of existing challenges and threats to the Chinese community. The author points out several unique laws, planned for adoption in the coming years and their main provisions, that are of theoretical and practical importance for the Russian science. The author stresses the importance of studying China's law-making experience within the framework of comparative law.

Keywords: China, comparative law, legal system, legislation, death penalty, corruption, terrorism, espionage, administrative reform, investment.

DOI: 10.12737/20572

Законодательству современного Китая присуща особая специфика, его эволюция в течение длительного времени происходила в условиях главенства социалистической идеологии под строгим контролем со стороны правящей Коммунистической партии Китая (далее — КПК). В настоящее время КПК продолжает определять вектор правового развития страны, решения партии формируют планы правотворческой работы китайского законодателя на многие годы вперед. В сентябре 1997 г. на XV съезде КПК руководством партии была поставлена задача формирования правовой системы Китая к 2010 г. Согласно докладу председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных пред-

ставителей (ПК ВСНП) У Банго в общем плане «социалистическая правовая система с китайской спецификой» к обозначенному сроку сформирована и включала 236 законов, 690 административных актов и более 8600 местных актов правотворчества[1]. В настоящее время общее число законов КНР составляет около 255.

Относительная малочисленность основных законов по сравнению с оперативными постановлениями (подзаконными актами) по локальным вопросам — давняя традиция. Процесс появления нового закона в правовой системе страны чрезвычайно трудоемок, предполагает учет разных, иногда диаметрально противоположных мнений. Китайский законодатель не спешит с принятием законов. Это обосновывается нежеланием выпускать «сырые, необкатанные» варианты. Подготовка нового закона либо поправок в действующий обычно происходит в течении нескольких лет, иногда этот процесс может занимать десятилетия (как, например, работа над еще не принятым Гражданским кодексом).

Китайский законодатель не спешит принимать кодифицированные акты правотворчества — в КНР отсутствуют гражданский и административный кодексы, при чрезвычайной развитости различных налоговых режимов и институтов не принят и Налоговый кодекс, что «...является важной особенностью при характеристике источников правового регулирования налогообложения, в том числе и инновационного сектора»[2]. Первый уголовный кодекс появился лишь в 1979 г., после тридцатилетнего существования нового государства. В сфере материального права действуют разрозненные, но оперативно принимаемые и изменяемые локальные акты правотворчества. Вместе с тем в КНР достаточно хорошо развито процедурное право. В стране приняты Уголовно-процессуальный кодекс (1979 г.), Гражданско-процессуальный кодекс (1991 г.), Административно-процессуальный кодекс (1989 г.), Арбитражный кодекс (1994 г.), Закон КНР об особом процессуальном порядке разрешения морских споров (1999 г.) и др.

Китайская Народная Республика на протяжении своего исторического развития сталкивалась с различными вызовами и угрозами, некоторые из них к настоящему времени приобрели устойчивый характер. В последние годы жизнеспособности китайской государственности стали угрожать новые опасности, которые требуют от правящей партии и законодателя оперативного принятия актов правотворчества для успешной борьбы с ними.

К устойчивым (исторически сложившимся) угрозам следует отнести: коррупцию[3]; ухудшение экологической обстановки; нехватку энергетических ресурсов; проблемы в демографической сфере; имущественное расслоение.

К относительно новым угрозам и вызовам относятся: терроризм; усиление разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб; проблемы в сфере пищевой безопасности и безопасности лекарственных средств; проблемы в сфере безопасности производств и специального оборудования; спад экономического развития.

Анализ правотворческой работы китайского законодателя позволяет выделить несколько главных направлений в сфере материального права, в рамках которых свое развитие получает современная правовая система КНР. Вне зависимости от характера вызовов и угроз, продолжительности их существования в истории Китайского государства, законодатель предпринимает определенные правотворческие шаги для их преодоления, поиска наилучших путей обеспечения безопасности государства, общества и личности.

В государственно-правовой сфере предпринимаются следующие меры по разрешению существующих проблем.

1. *В сфере противодействия коррупции* планируется к принятию Закон КНР «О противодействии коррупции и взяточничеству». Вопрос о принятии единого закона в рассматриваемой сфере стоит давно. Однако, как свидетельствует российский исследователь В. В. Севальнев, «к основным причинам, обусловливающим отсутствие единого законодательного акта о противодействии коррупции в правопорядке КНР, по нашему мнению, можно отнести чрезвычайную сложность разработки такого нормативного правового акта применительно к правовому пространству КНР. В частности, существует ряд проблем технологического характера при нормативном регулировании: во-первых, в юрисдикции КНР недостаточно четко разработана система декларирования доходов чиновников, в различных ведомствах применяются свои правила; во-вторых, отсутствует единый подход для определения максимального размера денежной стоимости подарков чиновникам; и, в-третьих, это проблема совмещения должностей и наличия так называемой второй работы у большого числа го-

[1] См.: Цзинзи жибао (Экономическая газета). 2011. 11 марта (на кит. яз.).

[2] *Севальнев В. В.* Источники правового регулирования налогообложения инновационного сектора КНР // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 1. С. 152.

[3] По мнению российского ученого А. В. Виноградова, в начале осуществления крупномасштабных хозяйственных реформ («политика реформ и открытости», начатая в конце 1978 г.) коррупция являлась локомотивом экономического роста. При отсутствии необходимого законодательства коррумпированный чиновник оперативно предоставлял бизнесу необходимые льготные режимы и другие преференции, способствующие росту предпринимательской активности населения. Подробнее см.: *Виноградов А. В.* Власть, бизнес и коррупция в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 1. С. 90.

сударственных служащих, что также затрудняет применение единых правил и стандартов в сфере противодействия коррупции»[4]. В настоящее время проект нормативного правового акта находится в открытом доступе в сети Интернет. Судя по его содержанию, некоторые приведенные выше противоречия успешно преодолены.

Согласно проекту Закона наказание за взяточничество зависит от суммы взятки, полученной лицом. Так, минимальный «порог» взятки, за получение которой наступает уголовная ответственность, планируется установить в размере от 1 тыс. до 5 тыс. юаней. Виновное лицо приговаривается к штрафу от 1 тыс. до 10 тыс. юаней либо тюремному заключению на срок до 6 месяцев. За взятку в сумме от 200 тыс. до 500 тыс. юаней установлены пожизненное лишение свободы либо смертная казнь, конфискация имущества, от 500 тыс. юаней — смертная казнь с конфискацией имущества.

В соответствии с действующим Уголовным кодексом КНР законодатель подразделяет взятку на три основные категории (ст. 383): сравнительно крупная (до 3 лет лишения свободы); крупная (от 3 до 10 лет); особо крупная (от 10 лет, пожизненное лишение свободы, смертная казнь). Верховный народный суд КНР планирует обнародовать соответствующее разъяснение для определения точных сумм взятки с учетом ее разделения на три категории (в прежней редакции уголовного закона говорилось о сумме взятки до 5 тыс. юаней, от 5 тыс. до 50 тыс., от 50 тыс. до 100 тыс., от 100 тыс. юаней и выше).

Отказ от смертной казни за коррупционные преступления в Китае пока не возможен. Последние события, связанные со взрывами в приморском городе Тяньцзинь (август 2015 г.), подтверждают прямую опасность коррупции для жизни и здоровья граждан. Следствием доказано, что именно она явилась главной причиной случившейся трагедии: крупному бизнесмену была выдана лицензия на право хранения опасных взрывчатых веществ в порту Тяньцзиня при отсутствии соблюдения необходимых для такого хранения требований. По результатам проверки арестованы глава Государственного управления КНР по контролю за безопасностью на производстве Ян Дунлян (бывший вице-мэр Тяньцзиня) и ряд других высокопоставленных чиновников, им предъявлены обвинения в коррупции и злоупотреблении служебным положением, повлекших гибель двух и более лиц (всего погибло свыше 150 человек). Чиновникам грозит уголовное наказание в виде смертной казни[5].

С 1 января 2014 г. вступило в силу принятое Верховным народным судом КНР Положение об обнародовании в сети Интернет решений народных судов, согласно которому все приговоры, решения и постановления подлежат обязательному размещению на сайте народного суда в сети. Кроме того, из любой точки Китая и мира можно в онлайн-режиме следить за происходящим в суде разбирательством[6]. Такая публичность, несомненно, способствует снижению уровня коррупции в судебном аппарате, решения которого носят гласный характер. При этом в документе закрепляется, что по делам, затрагивающим государственную тайну, частную жизнь граждан, по преступлениям, совершенным несовершеннолетними, при использовании медиативных процедур и в иных случаях обнародование судебных решений в Интернете не допускается (ст. 4).

2. *В сфере защиты государственной целостности* в марте 2005 г. принят Закон КНР «О противодействии расколу страны»[7], направленный на борьбу с «независимостью» Тайваня (не признанная большинством стран мира Китайская Республика на Тайване). Правовой документ закрепил юридическую возможность применения Китаем военной силы для обеспечения территориальной целостности государства.

Согласно ст. 1 Закон был принят «...в соответствии с Конституцией с целью противодействия и сдерживания сепаратистских сил, стремящихся к «независимости Тайваня», действия которых направлены на раскол страны, в интересах мирного объединения Родины, сохранения мира и стабильности в зоне Тайваньского пролива, обеспечения суверенитета и территориальной целостности государства, для защиты коренных интересов китайской нации». В статье 2 документа подчеркивается, что в мире существует только один Китай, расположенный на материке и на острове Тайвань. Суверенитет и территориальная целостность Китая в равной степени распространяются на его материковую часть и на Тайвань. Защита суверенитета и территориальной целостности государства является общим долгом всего китайского народа, включая соотечественников на Тайване (ч. 1). Тайвань — часть Китая. Государство решительно не позволяет сепаратистским силам, стремящимся к «независимости Тайваня», отколоть его от Китая под каким бы то ни было предлогом в какой бы то ни было

---

[4] *Севальнев В. В.* Противодействие коррупции: опыт КНР // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 1. С. 91.

[5] URL: http://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1365592 (дата обращения: 01.04.2016) (на кит. яз.).

[6] URL: http://ts.chinacourt.org/xingshi.html (дата обращения: 01.04.2016) (на кит. яз.).

[7] Название закона приведено в дословном переводе с китайского языка. В английском варианте: Anti-Secession Law — Закон о борьбе с сепаратизмом. Автор настоящего исследования строго придерживается дословного перевода, выступая против перевода смыслового или литературного. Только так возможно передать особую специфику китайской правовой нормы, уникальность содержащихся в актах правотворчества КНР положений.

форме (ч. 2). Если тенденция к независимости Тайваня будет углубляться либо возможность к осуществлению мирного объединения исчезнет, КНР прибегнет к «немирным способам и другим необходимым мерам для защиты суверенитета и территориальной целостности страны» (ч. 1 ст. 8).

Осенью 2014 г. по Сянганскому особому административному району (СОАР)[8] прокатились массовые протесты населения против избирательной реформы, которую инициировали центральные власти КНР через решение ПК ВСНП: 31 августа им было принято постановление «По вопросу о всеобщих выборах Главы администрации Особого административного района Сянган и порядку формирования Законодательного совета в 2016 г.». В западной прессе эти протестные выступления получили название «революции зонтиков». Согласно закрепленным в постановлении положениям с 2017 г. в СОАР вводятся всеобщие выборы Главы администрации. Создается Номинальная коллегия, которая большинством голосов должна определить двух или трех кандидатов, из которых впоследствии будет выбран Глава администрации (бывший губернатор при английской метрополии).

Переход к всеобщим прямым выборам Главы администрации без представительства кандидатов от оппозиции (в основном противников перехода Сянгана под юрисдикцию КНР) стал основой широких волнений. Существовала надежда на то, что выборы Главы администрации в 2017 г. пройдут по принципу «один человек — один голос». Однако оказалось, что, хотя голосование и будет всеобщим, количество кандидатов ограничено. Всем им следует пройти процедуру предварительного отбора, получив большинство голосов Номинальной коллегии (1200 человек). Таким путем центральные власти получают возможность отсекать от участия в выборах неугодных оппозиционеров. Участники акций требовали не только допущения до выборов широкого круга кандидатов, но и отмены одобрения их со стороны центральных властей, а также отмены обязательного утверждения избранного Главы администрации со стороны Центрального народного правительства (ЦПН) КНР.

Российский исследователь В. В. Сонин свидетельствует: «Для сохранения политической стабильности и лояльности будущего руководства автономии китайское правительство в настоящее время проводит «тонкую настройку» избирательного законодательства Гонконга. При этом из трех стадий процесса наделения полномочиями (выдвижение кандидатуры, выборы и назначение Постоянным комитетом ВСНП КНР) основное внимание уделяется порядку выдвижения кандидатур и назначения избранного кандидата»[9].

18 июня 2015 г. Законодательный совет Сянгана отклонил предложенную ПК ВСНП модель избирательной реформы, что является реальной победой сянганской общественности над Пекином. «Против» нее проголосовало 28 членов, всего лишь 8 — «за» (всего на заседании присутствовало 37 человек, решение ПК ВСНП могло быть принятым лишь при его одобрении двумя третями членов Законодательного совета). Таким образом, предложенная сянганским правительством возможность проведения всеобщих прямых выборов Главы администрации по «пекинской модели» осталась под вопросом. Ожидаются серьезные консультации по методике проведения выборов Главы администрации Сянгана в 2017 г. между центральными пекинскими властями и администрацией острова.

3. *В сфере борьбы с терроризмом* в 2015 г. принят Закон КНР «О противодействии терроризму», положения которого направлены на усиление борьбы с террористической деятельностью и ее финансированием. Своим вступлением в силу он отменил ранее действовавшее постановление ПК ВСНП «О соответствующих вопросах усиления работы по борьбе с терроризмом» 2011 г.

Согласно Закону под «террористической деятельностью» понимаются (ч. 2 ст. 3):

деяния, направленные на организацию, планирование, подготовку к осуществлению, осуществление или намерение осуществления деятельности, влекущей за собой серьезное посягательство на общество в виде гибели людей, нанесения значительного вреда имуществу, разрушения социальной инфраструктуры, приведения в хаос социального порядка;

пропаганда терроризма, провоцирование к осуществлению террористической деятельности либо незаконное обладание продукцией, пропагандирующей терроризм, принуждение к ношению в общественных местах одежды, символики, пропагандирующих терроризм;

организация, руководство, участие в террористической организации;

предоставление информации, финансирования, материальных ресурсов, услуг, технической поддержки, мест и другой поддержки, помощи, преференций для

[8] После перехода в 1997 г. бывшей британской колонии Гонконг под юрисдикцию КНР китайские партнеры настойчиво требуют от своих зарубежных коллег отказаться от использования английского названия «Гонконг» применительно к этой территории, которая в китайском языке носит название «Сянган» — «благоухающая гавань». Жителей острова призывают называть не «гонконгцами», а «сянганцами». То же самое замечание относится и к возвращенному в 1999 г. Португалией Китаю Макао, которое на китайском языке звучит как «Аомэнь».

[9] *Сонин В. В.* Укрощение «троянского коня»: избирательные фильтры на выборах главы администрации Гонконга // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 5. С. 823.

террористических организаций, террористов, осуществляемой террористической деятельности или обучения террористической деятельности;

иная террористическая деятельность.

В соответствии со ст. 7 Закона в КНР создается единый антитеррористический центр, в который будет стекаться вся важная для государства информация на лиц и организации, причастные к террористической деятельности. В обязанность гражданам и организациям вменяется «незамедлительное» оповещение правоохранительных органов о фактах проявления терроризма (ст. 9).

Уголовная ответственность за преступления в рассматриваемой сфере чрезвычайно серьезная. Так, 23 августа 2014 г. по решению Верховного суда КНР были приведены в исполнение приговоры к смертной казни в отношении восьми террористов, признанных виновными в убийствах и взрывах в различных регионах Китая, включая террористический акт на площади Тяньаньмэнь[10].

4. *В сфере борьбы с разведывательно-подрывной деятельностью* в 2014 г. принят Закон КНР «О противодействию шпионажу», который своим вступлением с силу отменил действовавший с 1993 г. Закон КНР «О государственной безопасности». Закрепленные в Законе положения свидетельствуют об ужесточении законодательной политики Китая в сфере национальной безопасности. Это обусловлено новыми угрозами, с которыми в последнее время сталкивается китайская государственность. Так, в конце сентября 2015 г. по подозрению в шпионаже в Китае были задержаны два гражданина Японии, которые, по версии следствия, добывали разведывательную информацию военно-стратегического характера[11].

Законодатель в тексте документа употребляет расплывчатые термины «может» и «своевременно», что свидетельствует не о низком уровне правотворческой техники, а о желании предоставить органам государственной безопасности КНР свободу в осуществлении правоприменительной деятельности.

В июле 2015 г. появился Закон КНР «О государственной безопасности». Под государственной безопасностью в ст. 2 понимается «состояние, при котором политическая власть, суверенитет, единство и территориальная целостность государства, благополучие народа, непрерывное экономическое, социальное развитие и иные важные государственные интересы не подвергаются рискам и внешним, внутренним угрозам, а также гарантирована способность длительного поддержания безопасной обстановки». В обязанности граждан и организаций входит обеспечение сохранности государственной тайны (п. 6 ст. 77).

В 2013 г. в КНР был создан Центральный совет по национальной безопасности — единый орган координации и обеспечения государственной безопасности. Председателем Совета назначен глава КНР Си Цзиньпин. В рамках обеспечения государственной безопасности новый орган координирует деятельность всех силовых министерств, МИДа, некоторых частей армии, а также Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины.

В плане правотворческой работы стоит принятие Закона КНР «О зарубежных неправительственных организациях», который, несмотря на протесты со стороны мирового сообщества, призван жестко ограничить посягающую на национальные интересы деятельность «иностранных агентов» на территории Китая.

В уголовно-правовой сфере происходит существенная либерализация института смертной казни. Так, принятые в феврале 2011 г. Поправки в действующий УК КНР отменили высшую меру наказания по 13 составам экономических преступлений (преступления ненасильственного характера). Таким образом, общее количество составов преступлений, по которым лицо может быть приговорено к смертной казни, снизилось с 68 до 55 (на 19,1%). Проводится политика «меньше убивать, осторожно убивать»[12]. При этом смертная казнь за такие ненасильственные преступления, как коррупция, перевозка/хранение/сбыт наркотических (психотропных) веществ, Китайским государством продолжала применяться.

В августе 2015 г. китайский законодатель отменил смертную казнь по еще девяти составам преступлений (контрабанда ядерных материалов, контрабанда оружия и боеприпасов, контрабанда поддельной валюты, подделка валюты, получение денежных средств путем мошенничества, организация проституции, насильственное вовлечение в занятие проституцией, воспрепятствование исполнению должностных обязанностей в военной сфере, распространение слухов в военное время), снизив их количество до 46.

Отметим, что в большинстве случаев Верховный народный суд КНР выносит приговоры к смертной казни с отсрочкой исполнений на два года (затем, если осужденным не совершаются новые преступления, наказание смягчается до пожизненного, далее — до 25 и 20 лет, осужденному лицу предоставляется возможность своим деятельным раскаянием добиться смягчения приговора до пожизненного лишения свободы и далее). Смертная казнь не применяется к лицам старше 75 лет (кроме совершивших

[10] См.: Жэньминь жибао (Народная газета). 2014. 24 авг. (на кит. яз.).

[11] URL: http://www.bbc.com/zhongwen/simp/world/2015/09/150930_china_japan_espionage (дата обращения: 01.04.2016) (на кит. яз.).

[12] Подробнее см.: *Чжао Бинчжи.* Гуаньюй Чжунго сянь цзэдуань шэньюн сысин дэ сыкао (Размышления об осторожном применении смертной казни в Китае на современном этапе) // Чжунго фасюе. 2011. № 6. С. 5—22 (на кит. яз.).

убийство с особой жестокостью), несовершеннолетним (до 18 лет) и беременным.

Касательно приведения в исполнение приговора к высшей мере наказания в отношении беременной женщины в зарубежной прессе прошла информация, согласно которой арестованной за наркотики преступнице (Ма Вэйхуа, 29 лет, транспортировка 1606 г. героина) сделали искусственное прерывание беременности и затем уже привели приговор в исполнение[13]. Итальянский корреспондент ссылался на официальное заявление представителя полиции города Ланьчжоу, который якобы заявил: «Уголовный кодекс не должен становиться инструментом в руках торговцев наркотиками, стремящихся избежать наказания»[14]. Однако подтверждающей информации в китайских источниках найти не удалось. Не исключено, что после ее попадания в прессу китайские власти засекретили уголовное дело Ма Вэйхуа и окончательная судьба женщины не известна.

28 декабря 2013 г. решением ПК ВСНП был отменен действующий с 1957 г. институт трудового перевоспитания, направленный на социальную адаптацию антиобщественного элемента. Особо активно трудовые лагеря использовались в период «культурной революции» для перевоспитания недовольных политикой государства лиц. Согласно принятому Государственным советом КНР 29 ноября 1979 г. Дополнительному положению «О трудовом перевоспитании» срок ограничения личной свободы гражданина устанавливался в 1—3 года, с возможностью продления еще на 1 год (таким образом, максимально 4 года). Однако на практике он не соблюдался и доходил в отдельных случаях до 20 лет.

В гражданско-правовой и экономической сферах законодатель не спешит с принятием единого кодифицированного акта правотворчества — Гражданского кодекса. Вместо него ВСНП и его Постоянный комитет на протяжении нескольких десятилетий принимают разрозненные законы, локально регулирующие отдельные отрасли гражданского права. К основным из них относятся: Общие положения гражданского права (1986 г.) (аналог первой части ГК РФ), законы КНР «О компаниях» (1993 г.), «О договорах» (1999 г.), «О банкротстве» (2006 г.), «О вещных правах» (2007 г.), «Об ответственности за нарушение прав» (2009 г.), «О применении законодательства в гражданско-правовых отношениях с участием иностранных лиц» (2010 г.). Работа над проектом Гражданского кодекса периодически возобновляется, однако точные сроки его принятия не известны.

В целях стимулирования притока инвестиций из-за рубежа планируется принять Закон КНР «Об иностранных инвестициях». Закон стоит в плане правотворческой работы китайского парламента в текущем году. Главная задача правового документа — повышение инвестиционной привлекательности китайского рынка для зарубежного инвестора, устранение причин оттока капиталов из страны, предоставление гарантий безопасности вложенных средств в китайскую экономику со стороны крупных международных корпораций.

В проекте Закона «Об иностранных инвестициях» содержатся положения, направленные на «отсечение» возможного участия иностранных бенефициаров в закрытых для них проектах на территории Китая. Известно, что действующее китайское законодательство пока не ставит непреодолимых барьеров на пути китайских компаний, реальными собственниками которых являются граждане зарубежных государств. Через различные юридические схемы путем использования номинальных директоров иностранцы проникают в стратегические для Китая отрасли, куда прямой вход им запрещен. Новым законом такая возможность будет отсечена. Это касается так называемых структур VIE — Variable Interest Entity, когда создаются два предприятия: операционная компания, находящаяся в Китае, и управляющая — за границей. После вступления в силу Закона КНР «Об иностранных инвестициях» китайские компании, которые контролируются через различные схемы иностранцами, будут закрыты.

В экономической сфере законодателем уже принят ряд важных законов, существенно обогативших правовую систему КНР. К основным из них следует отнести законы КНР «О борьбе с отмыванием денег» (2006 г.), «О борьбе с монополизмом» (2007 г.), «О стимулировании рециркуляционной экономики» (2008 г.) и некоторые другие. Готовятся поправки в действующие акты правотворчества экономической направленности. В плане правотворческой деятельности стоит принятие законов «Об электронной торговле», «Об имущественной оценке», «О благотворительности», «О планах развития» и др.

В административно-правовой сфере власти КНР продолжают проводить широкомасштабную административную реформу[15]. Ее целями являются оптимизация штатной структуры правительственных органов (сокращение государственного аппарата) и снижение количества разрешительных процедур (особый упор делается на сокращение административных барьеров в сфере малого и среднего бизнеса). Суть реформы заключается в упрощении административных процедур, предоставлении широких полномочий административным органам на местах, искоренении бюрократизма и неповоротливости ад-

[13] URL: http://news.xinhuanet.com/legal/2004-08/25/content_1880027.htm (дата обращения: 01.04.2016) (на кит. яз.).

[14] URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0177/gazeta019.php (дата обращения: 01.04.2016) (на кит. яз.).

[15] См.: *Бородич В., Виноградов А., Трощинский П.* 1-я сессия ВСНП 12-го созыва и новая административная реформа в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 3. С. 59—65.

министративного аппарата, «упрощении управления, освобождении полномочий». Реформа направлена на устранение дублирования административных функций разными органами, унификацию административной деятельности, борьбу с коррупционной составляющей на местах. Устранение неповоротливости административного аппарата по замыслу инициаторов реформы будет способствовать повышению экономической эффективности услуг, предоставляемых административными органами, сокращению расходов на содержание бюрократического аппарата.

В ходе мартовского заседания китайского парламента в 2013 г. законодателем был принят развернутый Проект реформы структуры Государственного совета и изменения полномочий[16], который на нормативном уровне установил рамки грядущих административных изменений.

В сфере политики контроля за рождаемостью ПК ВСНП принял постановление «Об урегулировании и совершенствовании политики рождаемости» (2013 г.), которое на законодательном уровне закрепило право китайских семей на рождение второго ребенка (если хотя бы один из супругов вырос единственным ребенком в своей семье). Такое существенное послабление в сфере демографической политики обусловлено резким старением населения и предполагаемым серьезным давлением из-за этого в будущем на пенсионную систему страны. По экспертным оценкам, к 2040 г. на одного пенсионера в КНР будет приходиться лишь 1,7 работающих. Право на рождение второго ребенка должно было способствовать снятию демографической напряженности и облегчению бремени материальной ответственности в китайских семьях.

Однако законодательное решение китайского парламента не привело к демографическому «взрыву». Серьезность проблемы старения населения заставила китайские власти уже через два года полностью отменить действовавшую с 1979 г. политику «одна семья — один ребенок». На очередном 5-м Пленуме ЦК КПК 18-го созыва (октябрь 2015 г.) было принято решение о разрешении всем китайским семьям без исключения заводить второго ребенка. Партийное решение получило законодательное оформление 27 декабря 2015 г. в виде постановления ПК ВСНП «О внесении изменений в Закон КНР о народонаселении и планировании рождаемости».

В социально-правовой сфере в 2015 г. принят Закон КНР «О борьбе с насилием в семье». По мнению китайских экспертов, в последние годы насилие в семье стало более распространенным, чем ранее. Не случайно Закон КНР «О браке» подвергался неоднократным изменениям, в том числе в плане усиления борьбы с домашним насилием.

Согласно ст. 28 Закона китайские суды в экстренных случаях должны в течение 24 часов вынести указание об обеспечении личной безопасности заявителя, если к нему в семье применяется насилие. Срок действия такого указания не может превышать шести месяцев (ст. 30). Виновное в применении насилия лицо подлежит штрафу до 1 тыс. юаней, административному аресту до 15 суток, а если в его действиях содержится состав преступления — то привлечению к уголовной ответственности (ст. 32).

Все же необходимость в принятии отдельного закона по борьбе с насилием в семье ставится под большое сомнение. В правовой системе КНР действует Уголовный кодекс, который закрепляет ответственность за применение насилия — вне зависимости от того, происходит оно вне или внутри семьи. Закон КНР «О браке» также содержит положения о компенсации потерпевшей от насилия в семье стороне (ст. 36). Представляется, что в основе появления данного Закона лежат политические факторы: необходимость соответствия международным правовым стандартам, предполагающим наличие в праве государства такого типа правового документа.

Большой резонанс в китайском обществе вызвали поправки в Закон КНР «О защите прав и интересов пожилых людей» (2012 г.), закрепляющие обязанность проживающих отдельно от стариков членов семьи «часто навещать или передавать приветы пожилым людям» (ч. 2 ст. 18). Конфуцианский принцип заботы о родителях сформулирован в Законе чрезвычайно расплывчато. «Если не уточнить формулировку “часто навещать”, то к числу нарушителей Закона можно отнести огромное количество людей, таких, например, как поденщики, студенты и дети, проживающие не в родном городе, ведь они могут вернуться в родные пенаты лишь раз или два в год»[17]. При этом наказание за нарушение приведенного требования состоит лишь в «моральном осуждении», что не соответствует духу законодательного акта.

Текущий 2016 г. начался с активной работы китайского законодателя. 26 февраля ПК ВСНП принял Закон КНР «О разведке и освоении глубоководных ресурсов морского дна». На мартовской сессии ВСНП состоялось принятие долгожданного Закона КНР «О благотворительности». Правовой документ устанавливает ряд налоговых преференций в отношении благотворительных организаций, при этом закрепляет жесткий тотальный контроль за собираемыми и расходуемыми в этой сфере средствами.

Подводя итог вышесказанному, сделаем следующие основные выводы.

1. Современное законодательство Китая продолжает развиваться в направлении оперативного и точечного регулирования наиболее важных сфер обще-

[16] Цзиньцзи жибао (Экономическая газета). 2013. 15 марта (на кит. яз.).

[17] *Чун Яту.* Чувство досады, вызванное статьей о «регулярных визитах» // Журнал «Китай». 2013. № 8. С. 6.

ственной жизни, поиска путей решения существующих вызовов и угроз китайской государственности. Содержащиеся в действующих нормативных правовых актах положения, несмотря на особую китайскую специфику, представляют значительный научный и практический интерес для отечественной науки. Российская государственность сталкивается со схожими угрозами и вызовами, что требует от нас подробного исследования правотворческого опыта Китая для его возможного использования в своей деятельности.

2. Руководство Китайского государства придерживается пути усиления мер уголовной ответственности за совершаемые в стране преступления, особенно в сфере противодействия коррупции и терроризму. Основным методом борьбы с преступностью в КНР по-прежнему является суровая репрессивная политика в отношении нарушивших предписания уголовного закона лиц. Китайский гражданин зачастую готов подчиниться закону лишь при существовании в его положениях жестких мер ответственности. На всем протяжении китайской истории уголовное право являлось ядром правовой системы страны, а уголовная ответственность — стержнем всего института юридической ответственности.

Вместе с тем власти Китая осуществляют некоторую либерализацию института уголовного наказания, который затрагивает самый неоднозначный вид уголовной ответственности — смертную казнь. Уменьшение количества составов преступлений, за совершение которых судом может быть назначена высшая мера наказания с 68 до 55 (2011 г.), а затем до 46 (2015 г.), произошло в большей степени по причине давления международного сообщества на руководство КНР. Полный отказ от смертной казни для Китая невозможен. Смертная казнь в Китае существовала во все исторические периоды его развития, она является неотъемлемой специфической чертой правовой системы этого азиатского государства.

В гражданско-правовой, экономической и административной сферах законодатель стремится принимать нормативные правовые акты (вносить изменения в действующие акты правотворчества), которые должны способствовать преодолению серьезного экономического кризиса в стране, стимулированию притока зарубежных инвестиций. Происходит углубление административной реформы, которая по замыслу ее организаторов должна исключить административные (запретительные) барьеры для среднего и малого бизнеса. При этом ставятся под защиту стратегические отрасли экономики, в которых появление иностранного инвестора может угрожать безопасности Китая.

В социальной сфере, которая напрямую связана с экономическим развитием государства, законодатель пошел по пути смягчения политики контроля над рождаемостью, закрепив право всех семей на рождение второго ребенка. Однако это вряд ли приведет к демографическому взрыву в ближайшем будущем: современное поколение китайских граждан не желает рожать детей. КНР ожидают большие демографические проблемы, которые будут оказывать серьезное влияние на общее развитие страны в нынешнем столетии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бородич В., Виноградов А., Трощинский П. 1-я сессия ВСНП 12-го созыва и новая административная реформа в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 3.

Виноградов А. В. Власть, бизнес и коррупция в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 1.

Жэньминь жибао (Народная газета). 2014. 24 авг. (на кит. яз.).

Севальнев В. В. Источники правового регулирования налогообложения инновационного сектора КНР // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 1.

Севальнев В. В. Противодействие коррупции: опыт КНР // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 1.

Сонин В. В. Укрощение «троянского коня»: избирательные фильтры на выборах главы администрации Гонконга // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 5.

Цзинзи жибао (Экономическая газета). 2011. 11 марта (на кит. яз.).

Цзиньцзи жибао (Экономическая газета). 2013. 15 марта (на кит. яз.).

Чжао Бинчжи. Гуаньюй Чжунго сянь цзэдуань шэньюн сысин дэ сыкао (Размышления об осторожном применении смертной казни в Китае на современном этапе) // Чжунго фасюе. 2011. № 6. (на кит. яз.).

Чун Яту. Чувство досады, вызванное статьей о «регулярных визитах» // Журнал «Китай». 2013. № 8.